

18+

Нонна Беспалова

Скрытка и мигот

Нонна Беспалова

**Скрипачка и Пилот,
или На двух берегах**

«Издательские решения»

Беспалова Н.

Скрипачка и Пилот, или На двух берегах / Н. Беспалова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969360-0

Сёстры живут по разные стороны океана. Старшая приезжает из Америки в Москву повидаться с родными и со своей старой учительницей. Ей придётся столкнуться с тем, что Москва очень изменилась, что она многого не понимает. Семейные «скелеты в шкафу» мешают её отношениям с родными. Происходит столько встреч и событий, столько эмоциональных потрясений, что центр её интересов невольно смещается в Москву, но порвать с жизнью в Америке, давно ставшей для неё естественной и привычной, тоже непросто. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-969360-0

© Беспалова Н.
© Издательские решения

Содержание

Nov. 27 Day one	6
Nov. 28. Day two	14
Nov. 29. Day three	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Скрипачка и Пилот, или На двух берегах

Нонна Беспалова

В оформлении книги использована работа Гнездо Аси Додиной и Славы Полищука.

Cover design Asya Dodina

© Нонна Беспалова, 2020

© Asya Dodina, cover design, 2019

ISBN 978-5-4496-9360-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Nov. 27 Day one

Самолёт, Боинг 747, огромная махина, мягко, без толчка, коснулся бетонной дорожки. Только по подрагиванию гиганта на неровностях посадочной полосы стало ясно: они уже на земле. Нора присоединилась к традиционным аплодисментам пассажиров. Вообще-то она всегда считала, что эти аплодисменты означают не столько восхищение мастерством пилота, сколько облегчение после пережитого страха: «Слава богу, приземлились!», можно выдохнуть. Обычно она не аплодировала, но сегодня посадка была произведена блестяще, захотелось увидеть пилота и пожать ему руку. Нора улыбнулась. Мужчины, хорошо владеющие своим ремеслом, были её слабостью. При этом успех, известность или деньги, оставались, конечно, приятным, но не обязательным дополнением к владению секретами мастерства, будь то хирургия, пение «бельканто», высший пилотаж или фигурная ковка.

Как только Боинг подрулил к терминалу, засидевшиеся пассажиры повскакали с мест. Норе тоже не терпелось встать. Она потеснила стоявших рядом с её местом людей, поднялась и осторожно, чтобы никого не задеть, достала сумку с полки над сиденьями. Тут же позвонила сестре. Ольга ответила после первого гудка: «Привет! Ты уже вышла? Нет? Ты прости, Димка не сможет подъехать за тобой, у него что-то срочное на работе. Тебе заказать такси или ты сама? Я тебе кинула на телефон 500 рублей, так что можешь не экономить».

– Happy to see you, sis! Всё в порядке, Оль, не в первый раз. Позвоню с дороги. Как мама?

– Ничего. Увидишь. Ты только пободрее держись, когда её увидишь, ладно? Давай, пока.

Наконец все зашевелились и двинулись к выходу. Нора, ощущая все мышцы её затёкшего от долгого сидения тела, с лёгкой завистью прошла мимо лежащих мест бизнес класса. У выхода, рядом с оранжевыми стюардессами стоял высокий блондин в лётной форме с открытым, слегка веснушчатым лицом. «Это он, пилот! Лет сорок», – промелькнуло в голове. «Вы пилот?», – спросила она поравнявшись. «Да, это пилот», – ответила за него стюардесса, как будто защитила его от нежелательного внимания. «Отличное приземление! Жму вашу руку», – Нора, не глядя на стюардессу, протянула руку, и пилот поторопился эту руку пожать. Сзади нервно топтались усталые пассажиры. Нора отвернулась и быстро пошла по рукаву. Она его «зацепила», она уверена. Жаль, что команда обязана покинуть борт последней, скорее всего они больше не увидятся. «Может и к лучшему», – благоразумно успокоила себя Нора. Надо же, ей всё ещё не надоело играть в эту игру! Нора шла всё быстрее, разминая ноги, её походка с каждым шагом становилась более упругой и бодрой. В здание нового терминала она вошла в первых рядах. Широкий светлый коридор, отсутствие застарелых запахов, исправные «бегущие дорожки», освежающее дыхание кондиционеров – всё это радовало и помогало прогнать ощущение усталости после многих часов полёта, после прерывистого, недолгого сна полужёла в кресле в позе креветки. «Какой терминал отгрохали, молодцы!», – оглядываясь вокруг, думала Нора. Она поймала себя на том, что гордится достижениями российской компании и Россией как таковой, как будто она, Нора, и Россия всё ещё принадлежат друг другу. Нора быстро прошла паспортный контроль и на эскалаторе спустилась в зал получения багажа. Чемоданы пассажиров их рейса уже плыли на одном из транспортёров. В этом огромном зале они были одни. Нора с досадой вспомнила, переполненный людьми, душный JFK. За державу было обидно. Она понимала, что Нью-Йоркский аэропорт загружен до предела, что количество рейсов, проходящих через его терминалы, превышает здешнее в десятки и в сотни раз, но всё-таки испытывала досаду. И каталки там платные, 5 долларов, совсем с ума сошли!

Улыбаясь своим противоречивым чувствам, Нора получила багаж и вышла в пустой холл. Она остановила жестом кинувшихся к ней таксистов, на ходу позвонила в компанию такси, чьими услугами обычно пользовалась, потом отыскала взглядом свободную скамейку. Машину нужно было подождать десять – пятнадцать минут, но так получалось и дешевле и безопаснее.

В Нью-Йорке ей не приходилось думать о безопасности, она могла сесть в любую подвернувшуюся машину, но и там Нора предпочитала договариваться с такси заранее, чтобы избежать лишнего ожидания. Раньше таксисты стояли с табличкой у выхода из зоны прибытия, теперь около JFK был специальный паркинг для встречающих машин, и такси появлялось через пять минут после Нориного звонка. Правда, стоило это в два раза дороже, чем здесь.

Нора сидела, вытянув ноги, напротив стеклянной стены и смотрела, как расходятся последние пассажиры. Погода соответствовала второй половине ноября. Низкие облака затянули небо, но ещё не так плотно, чтобы не пробивалось солнце, было светло. «К пяти стемнеет», – подумала Нора. – «Снега нет и, кажется, не очень холодно. Наверное, я слишком тепло оделась. В дублёнке будет жарко». В дорогу Нора надела фиолетовый кашемировый свитер и серую стриженую дублёнку-полупальто. Это очень шло к её яркому без косметики лицу, к её смугловатой коже и тёмным волосам. У себя в Вашингтоне она ходила в лёгкой куртке нараспашку. В Нью-Йорке было немного холоднее, +10, +12, и она носила под курткой хлопковый свитер. Каждый раз, собираясь в Москву, Нора ошибалась и набирала вещи, либо слишком тёплые, либо недостаточно тёплые для московской погоды. «Я же оставила у Лёли куртку из Юникло и пару водолазок», – вспомнила Нора. «Не о чем беспокоиться».

Такси задерживалось. Напротив скамьи, где сидела Нора, по опустевшему холлу неторопливой походкой прошли мужчины в лётной форме и стайка стюардесс в оранжевых костюмах и пилотках. Все катили за собой маленькие чемоданчики. Нора не видела их лиц, но тот из пилотов, который был повыше, приостановился, что-то сказал оглянувшемуся товарищу, и направился в сторону Нориной скамейки. Это был веснушчатый блондин, тот самый, которому она пожала руку.

«Сработало. Есть ещё порох в пороховницах», – успела подумать Нора.

– Вас не встретили? Я мог бы вас подвезти.

– Спасибо, не нужно. Я уже вызвала такси, сейчас подъедут.

Зазвонил телефон. Нора взяла свой маленький мобильный. «Подъехала машинка», – проворковала диспетчер. «Рено, номер 3964М. Ждёт вас на третьей линии у первого выхода». Пока Нора слушала и говорила: «Спасибо», пилот вынул из кармана визитку, протянул Норе. Она машинально взяла. «У меня два дня свободных. Можем сходить в театр или погулять по Москве. Буду рад», – сказав это, пилот не стал дожидаться её ответа, сказал: «Извините, тороплюсь», улыбнулся и быстро ушёл. «Опытный. Степень обаяния своей улыбкой знает точно. Пожалуй, даже избалованный. Ещё бы, вокруг столько молоденьких стюардесок. А тебе, Нора, 42, и неважно, что выглядишь ты максимум на 35. Для России – старовата». Нора поднялась и покатила чемоданы к первому выходу. «Все они здесь избалованы бабами. В России дефицит мужиков, не то, что в Америке. Не до эмансипации. С другой стороны, стюардесками он уже наелся, а мне мимолётный роман не мешает. Только нельзя давать себя использовать, как это принято здесь». Как принято здесь, Нора знала от сестры, от Ольги, многократно жаловавшейся ей на российских мужиков.

Нора вышла из терминала, и её тут же охватил холод. «Да... Жарко не будет», – она остановилась и застегнула дублёнку. «Около ноля или маленький минус». Маленький минус сразу почувствовали Норины руки, и она полезла в карманы за перчатками, но в этот момент увидела машину знакомых очертаний с жёлтой надписью на боку. Таксист смотрел в её сторону, она помахала ему рукой.

Таксист, немолодой, жилистый, с худым бледным лицом, «Как из тюрьмы», – подумала Нора, без помощи навигатора повёз её в объезд пробок, по каким-то разбитым, второстепенным дорогам. Через полчаса они уже стояли перед чистенькой кирпичной девятиэтажкой. За лишнюю сотню шофёр донёс до лифта чемодан и сумку. Только выйдя из лифта и остановившись перед такой знакомой дверью, Нора с облегчением осознала: долгий путь закончился, сейчас она увидит сестру и маму. Слово «мама» прозвучало странно. Она мысленно поправила

себя: «Тётю Лёлю». Нора позвонила. Прислушалась. Позвонила ещё раз. Прошло не меньше минуты. За дверью стал слышен голос Ольги и постукивание палки. Видимо Ольга дала возможность маме открыть дверь самой. Щелкнули замки, дверь распахнулась, и Нора увидела тётю Лёлю в тёплом махровом халатике на молнии.

Этот халатик Нора привезла тёте Лёле два года назад. Тётя Лёля носила халат только утром, чтобы встать с постели и пройти в ванную, а потом переодевалась в джинсы и свитер или в джинсы и рубашку. Сейчас было время обеда, а тётя Лёля вышла в халате. Если бы только это. Палочка, худоба. Угол правого глаза и уголок рта на правой стороне заметно опустились вниз. Но кудри, еще не потерявшие цвет, были красиво и аккуратно уложены. Над тетилёльной головой Нора увидела напряжённое лицо Ольги, спохватилась и просияла улыбкой. «Тётя Лёля, родная моя, здравствуй!».

– Новотька, пиехаа!

Нора поспешила обнять тётю Лёлю и сжала зубы, чтобы не расплакаться, но она невольно скривилась и помигала увлажнившимися глазами. Ольга за спиной у матери погрозила Норе пальцем. Нора справилась со своим лицом, расцеловала тётю Лёлю в обе щеки.

– Тётя Лёлечка, пойдём в комнату.

Тётин диванчик был собран. На столе, застеленном скатертью с вышивкой по краям, стояли четыре прибора из парадного сервиза – тарелки с полосой синего кобальта и золотым рисунком, около тарелок – мельхиоровые ножи и вилки, позади – хрустальные фужеры. «Приём на высшем уровне. Не сдаётся тётя Лёля», – Нора опять чуть было не заплакала, но сдержалась. Оля поддерживала мать под локоть с левой стороны. Тётя Лёля слегка прихрамывала на правую ногу и палочку свою она держала странно, приподняв плечо, неловко скрючив пальцы. Ольга усадила мать на диван, Норе подвинула стул и сама села на стуле напротив Норы и мамы.

– Как ты себя чувствуешь, тётя Лёля?

– Сама виийшь, Ногочка. В’ач увеяет, всё п’ойдёт. Надо упьязняття.

– Отлично! Я приехала, теперь будем вместе упражняться.

Тётя Лёля покивала.

– Тётя Лёля! Я тебе такую кофту привезла, мягкую – мягкую, как ты любишь, сейчас принесу, и брюки на резиночке, как ты просила.

Нора вышла в прихожую, взяла сумку, набитую подарками, достала тёплую кофту на пуговицах и брюки с резинкой сзади. Кофту она накинула тёте Лёле на плечи. Тётя Лёля потрогала кофту: «Какая мяакая! Спасибо, Но’ик»

Нора увидела, как Ольга с любопытством заглядывает в сумку. «Всё привезла», – поспешила сказать Нора. «Потом, ладно?». Оля поднялась: «Мам, посиди, мы принесём закуски». Нора вышла следом за ней.

– Диму ждать не будем?

– Нет, не будем. У него сегодня командировка какая-то, когда придёт неизвестно.

Сёстры в две руки быстро накрыли на стол. Ольга заранее всё подготовила, оставалось только достать из холодильника тарелки с рыбой и нарезками, салатницы с салатами и раскутать картошку, завёрнутую в одеяло, чтобы не остыла. В центре стола Ольга поставила свою любимую селедку «Балтийский берег» и водку «Талка». Из серванта она вынула бутылку с длинным горлышком. «Это „Рислинг“, для мамы», – пояснила Оля. Нора поманила Олю, и они вышли в кухню.

– Ей можно?

– Врач сказал, можно, по чуть-чуть. Я ей потом соку налью. Ты помнишь, как она любила застолье, гостей?

– Она сама сегодня стол готовила?

– Нет, что ты! Всё я. Ей томографию сделали, сказали – это уже второй инсульт. Первый был, когда папа умер. Микроинсульт. Помнишь, какой был страшный год? Бабушка умерла, потом папа, потом тётя Таня. Как Михаил Борисович поживает?

– У него всё хорошо. Он ещё работает. Не женился, но бабёнка у него есть. Они на моём концерте были вместе, он нас познакомил. Моложе него. Врач-анестезиолог из того же госпиталя. Служебный роман.

– Русская?

– Американка. Что у тёти Лёли?

– Невропатолог говорит, медленно идёт восстановление. Как будто у неё нет желания выздороветь. Сосуды плохие. Мы уже больше недели ходим на капельницы, амбулаторно, в нашу больницу. Ещё два раза сходить, завтра и послезавтра.

– Когда у вас рейс?

– Мы летим в понедельник. В Таиланд. На две недели.

– Про Таиланд я помню.

– Пойдём, а то она забеспокоится.

К удивлению сестёр тётя Лёля сидела за столом в джинсах и новой кофте на своём традиционном месте. Оля поспешила занять место рядом с мамой, Нора села напротив. Оля налила маме Рислинг, себе и Норе – водку. Тётя Лёля взялась правой больной рукой за рюмку, Оля дёрнулась ей помочь, но тётя Лёля держала рюмку крепко, хотя и немного неуклюже и неожиданно чисто произнесла: «За встречу!». Оля и Нора замерли, уставившись друг на друга. Нора спохватилась первой и поддержала тост: «За встречу, тётя Лёля!» Тётя Лёля лихо махнула Рислинг, огляделась, будто проснувшись и строгим голосом сказала: «Оля, где салфетки? Быстренько достань. Девочки, что это вы водку из винных рюмок пьёте? У нас что, посуды не хватает?»

Ольга вскочила, порылась в шкафу, достала салфетки с такой же вышивкой как на скатерти и положила маме и Норе.

– Мам, водку уже разлили.

– Принеси дочерные стопочки. Сколько раз тебе говорила, нельзя опускаться. Всё начинается с мелочей.

Ольга, ещё ошарашенная резким превращением больной старушки в прежнюю маму, достала из горки хрустальные стопочки, перелила в них водку, наконец, села и взялась за стопку. Оля и Нора переглянулись. Нора видела, что Ольга еле сдерживает смех.

– Ну, девочки, догоняйте и хорошенько закусывайте.

Сёстры выпили водки и быстро закусили картошкой с селёдкой. Нора даже застонала от удовольствия.

– Нет в мире вкусней еды, чем картошка с селёдкой.

– Я тебе Балтийский берег с собой куплю. Повезёшь?

Нора не стала говорить, что на самом деле так вкусно и легко пьётся водка и естся картошка с селёдкой, только когда Нора приезжает в Россию. У себя в Мак – Лине она пьёт красное вино, а из крепких – текилу. Картошку ест редко, селёдку – только в гостях у русских друзей.

– Нет, не повезу. Во-первых, нельзя. Раз попадётся и навсегда в чёрном списке. Во-вторых, некого баловать.

– А Серёжу?

– Обойдётся.

– Совсем разбежались?

– Надо бы совсем, да не получается.

– До сих пор к тебе ездит?

– До сих пор. Я пыталась его отвадить. Он выждет неделю, другую и опять начинает напрашиваться. Сыплет комплиментами, смешит меня, звонит и звонит, пока я не сдамся.

– А эта его, новая, знает?

– Да ей и в голову не приходит, что от неё, юной и свежей, можно бегать к такой старушке как я.

– Ладно тебе, старушка.

Тут громко вмешалась тётя Лёля.

– Это не дело.

Она говорила чисто. Чудеса!

– Нечего ему позволять на двух стульях сидеть. Тоже мне, падишах. Гони его, он тебе мешает начать новую жизнь. Давайте, девочки, выпьем за вас, за вашу удачу. Оля, разливай!

Нора вопросительно посмотрела на Ольгу. Оля еле заметно пожала плечами и разлила по рюмкам тёте – Рислинг, им самим – водку.

– За удачу!

– Мам, ты у нас сегодня в роли «генерала».

– Я всегда в роли генерала. Слушай мою команду! Нора, ты совсем ничего не ешь, возьми винегрет. Оля, принеси курицу.

Они выпили за здоровье всех присутствующих, потом, за тех, кого уже с нами нет. После четвёртой рюмки тётя Лёля зевнула и сказала: «Девочки, переходите к чаю, а я немного вздремну».

Нора попыталась мыть посуду, но Ольга не дала.

– Ты посмотри, как твой приезд, на неё подействовал. Просто чудо.

– Это и есть чудо. Можно, конечно, объяснить реакцией на гостя, на необходимость держать марку перед чужими. Со своими можно распускаться, а перед чужими нельзя.

– Какая ты чужая?

– Ну, приезжаю-то я не часто.

– Нет, не то. Она просто рада тебя видеть.

Сёстры составили посуду в посудомоечную машину, включили электрический чайник, полный воды, и вернулись в комнату. Тётя Лёля спала на диване, аккуратно положив голову на плоскую подушку – «думку», с вышитыми крестом розами. Нора жестом пригласила Олю в спальню, где стояла сумка с подарками.

Каждый раз, прогуливаясь одна или с подружкой по магазинам, Нора присматривала что-нибудь для Ольги. Поначалу Нора искала для себя, а Оле покупала то же самое, но другого цвета, подходящего для блондинки. Задача осложнилась, когда Ольга прибавила в весе и перешла из Нориного S сначала в M, а потом в L. В телефонных разговорах Оля часто повторяла: «У нас всё есть. Не заморачивайся». Нора попыталась делать подарки деньгами, но убедилась, что Ольга каждый раз бывает разочарована. Да и отношение к деньгам было разное. Нора не сразу поняла, в чём дело. Она жила в Америке уже пятнадцать лет, многое воспринимала на американский манер.

Когда родители Норы уехали сначала в Израиль, потом в Штаты, Нора заканчивала ЦМШ и уже побывала на прослушивании в консерватории. Сорваться и уехать с родителями она категорически отказалась. Все пять лет консерватории, и год после Нора прожила у тётя Лёли, в одной комнате с Ольгой. Родители, конечно, её поддерживали, с первых дней слали деньги и посылки, делали всё, чтобы ни дочь, ни родня, ни в чём не нуждались.

Перед их отъездом в Америку сёстры, Норина мама, Таня и тётя Лёля, совершили родственный обмен. Тётя Лёля и тогда ещё живой дядя Костя въехали с Олей в большую трёхкомнатную квартиру Нориных родителей на Соколе, а свою старую двушку в Староконюшенном, где прописалась Нора, стали сдавать. Это была идея Нориных мамы и папы. Два года назад, после развода с мужем, Норе понадобились деньги на новое жильё и двушку продали. Оля с Димой могли бы сдавать квартиру, доставшуюся её Диме от бабушки, в Гончарном переулке, но Дима уже неплохо зарабатывал, да и Оля преподавала в лицее, готовила подростков

к ЕГ, давала частные уроки. Дима и Оля предпочли поселить в Гончарном тётю Лёлю. Тётя Лёля против переезда не возражала, ей надоели постоянные стычки то с дочерью, то с зятем. Конечно, после инсульта Оля из больницы забрала маму к себе.

Норин бывший муж, хирург-травматолог, из знакомых отца, организовал в Вашингтоне медицинский центр с малой операционной и хорошим оборудованием для диагностики. Он сам продолжал работать и там, в своём центре, и в травматологии в госпитале. Всё вместе приносило очень неплохой доход, и они даже на американском уровне были вполне состоятельными людьми, но это сложилось только после первых десяти лет. Для того, чтобы купить помещение и оборудование понадобились все их сбережения и ссуда в банке под залог их квартиры. Ссуду они сумели погасить в три года, на это уходил весь доход от центра. Так что свободу в деньгах они почувствовали только в последние три-четыре года. Тётя Лёля и Ольга прекрасно знали все их обстоятельства, вроде бы вполне сочувствовали, и Нора никак не могла понять, почему её переводы по 300—400 долларов три – четыре раза в год воспринимаются небрежно, даже иронически. В Америке подарок в 100 долларов считался дорогим.

Выяснение отношений произошло, когда тётя Лёля попросила полторы тысячи долларов на холодильник Бош. Нора постаралась всё объяснить, как можно более подробно, чтобы не осталось места для сомнений и обид. У мужа Серёжи все счета с ней, с Норой – совместные, но свободно распоряжаться она может только счётом, на который приходит его зарплата из госпиталя и, естественно, теми деньгами, которые зарабатывает она сама. Это не значит, что Серёжа не знает, на что уходят деньги, он проверяет банковские отчёты и счета по кредитным картам. У них нет секретов друг от друга и Серёжа никогда не жалеет денег на её родственников, но есть определённый предел тому, что она может вынуть из «домашних», расходных денег. Она присылает им «подарки», когда случается месяц без дополнительных расходов, то есть не надо ремонтировать что-то в доме или в одной из машин, нет больших покупок, типа фильтров для системы очистки воды или нового принтера и так далее. Полторы тысячи придётся снять с накопительного счёта, ей нужно будет предупредить мужа. Он не станет возражать. Но, может быть, лучше не посвящать его в то, на что расходуются деньги, не привлекать его внимание к тому, что тётя Лёля хочет купить холодильник значительно дороже того, что стоит сейчас в квартире у них с Серёжей. Если с холодильником можно немного подождать, Нора постарается выслать в течение ближайших месяцев три раза по 500 долларов и этого хватит на покупку. Тётя Лёля была растеряна и, кажется, всё-таки обижена. Ольга выслушала Норину речь с каменным лицом и Нора вздохнула с облегчением, когда Ольга извинилась за мать, сказала, что она была против этой просьбы и предлагала тот же вариант, то есть не тратить Норины подарки и подкопить на новый холодильник. Большой холодильник матери нужен, чтобы было место, где держать дачные заготовки. Нора многое забыла и не учитывает особенности московского быта.

Они с Ольгой договорились, что Ольга будет сообщать Норе о своих и маминых затруднениях и они вместе, без обид и взаимных упрёков, будут обсуждать, насколько Нора может им помочь. Груз накопившихся недоразумений был сброшен и отношения опять стали лёгкими. Но для себя Нора твёрдо усвоила – от неё ждут не подарков, а решения проблем. Обсуждать справедливо это или несправедливо было бессмысленно. Напоминать о том, что она и Серёжа пережили несколько тяжёлых первых лет эмиграции, что деньги на них не упали с неба, что они рисковали, нервничали, экономили, и всё это было платой за их нынешнее благополучие, что Серёжа работает по четырнадцать часов в сутки, тоже было бессмысленно. Они не ощущают тягот их жизни, но хорошо видят преимущества и считают естественным, что с ними будут делиться, что примут на себя их проблемы. С одной стороны, это, конечно, пережитки «совка». Но с другой стороны – это родные близкие люди и Нора сама хочет, чтобы им жилось хорошо. Нужно только чётко обозначить границы: это – могу, а это – не могу.

Ольга в те времена работала в отделе писем в журнале Аргументы и Факты, а её Дима только начинал карьеру фотографа для глянцевого журналов. Теперь их сын учится в Австрии, Дима стал известным фотографом, не настолько знаменитым, чтобы это приносило значительные доходы, но настолько, чтобы не сидеть без работы. Нора иногда выполняет Олины просьбы, например, в прошлом году нужно было на даче срочно перекрыть крышу, и Нора подкинула денег, но, в основном, Нора возит «подарки» и с Ольгой они давно договорились, что Ольга должна как можно точнее сообщать, что именно им нужно, какого вида, какого качества и размера. Ольга и сама не раз бывала у Норы в гостях и с мужем и без мужа. Обидно, что тётя Лёля отказалась приехать. Не приехала даже на похороны сестры. Сказала, что боится летать. И у Норы и у Ольги возник одинаковый вопрос: «С каких это пор мама боится летать?» Но тётюшка настояла на своём, Нора теперь понимает – почему.

Нора достала из сумки куртку и джинсы для Димы, пару джинсов из GAP для Олиного сына Миши, потом началось самое интересное: шмотки для Ольги. Самой лучшей своей находкой Нора считала жакет приталенный, с вздёрнутыми плечиками. К этому жакету Нора купила атласную чёрную юбку-карандаш. Увидев жакет и юбку, Ольга закричала полушёпотом: «Норка, ты – гений!» и начала сбрасывать одежду. Она надела и юбку, и жакет, подошла к зеркалу. Нора видела, что всё сидит так, как надо, точно по фигуре. Ольга, конечно, прибавила в весе, но фигуру сохранила отличную и выглядела на все сто, или, как теперь говорили в России, на миллион баксов.

– Ну, Норка! Ну, сестра! И в пир, и в мир, и в добрые люди... Как тебе только это удаётся! Димка обалдеет.

– Димка? А что твой Саша?

Ольга привстала перед зеркалом на цыпочки, чтобы представит себя на каблуках.

– Разругались вдрызг. Нет, ты представляешь, он начал ныть, что я ему жизнь испортила, что он из-за меня не женился. Да пошёл он... Никто не заставлял.

– Ты же сама говорила, вот Павлик подрастёт...

– Может и говорила. Что меня с Сашей ждёт? Тихое семейное счастье? Оно мне надо? Нет, мы с Димкой друг от друга никуда.

– Это что-то новое.

– Новый поворот...

Нора достала следующий комплект и Ольга, напевая, натягивала его на себя.

– Что он нам несёт... пропасть или взлёт...

Бархатные, расклешённые от бедра брюки и маленькая атласная блуза с голой спиной тоже сидели отлично.

– Ты не разберёшь, пока не повернёшь. Пока не повернёшь. Ля-ля-ля... Отлично! Это мне на новогодний корпоратив у Димки в редакции.

Платье оказалось внатяг. В районе груди молния еле застегнулась.

– Не лопнет?

– Пустяки! Другой лифчик надену, всё будет тип-топ. В этом к себе в школу пойду. Норик, ты – золото. У меня впереди – новая жизнь!

– А у меня есть к тебе предложение. Давай Дима завтра отвезёт меня на квартиру в Гончарный. Я посмотрю, всё ли там есть. Докуплю, если чего-то не хватает. А послезавтра вы привезёте тётю Лёлю, и я заступлю на вахту. Пойдёт?

– Норка, не темни! Колись!

За то время, что Нора жила у тётя Лёли, они с Ольгой стали так близки, как нечасто случается даже у родных сестёр. У них не было секретов друг от друга и ни разу не случилось, чтобы одна из них что-то выболтала или как-то подвела другую.

– Новый знакомый обещал в театр сводить.

– Где ты его успела подцепить, в самолёте?

– В самолёте.

– Не боишься? Я бы тебе не советовала...

– Он пилот.

– Пилот самолёта? Ну, Норка! Узнаю брата Васю... Хотя чему я удивляюсь? В тебе всегда было что-то такое... Ты не обижайся, но я не могу понять, почему от тебя мужики с ума сходят. Вот со мной всё ясно: я блондинка, кудрявая, с формами, характер лёгкий, с юмором. Почему мужики стойку делают совершенно понятно. Мама твоя, тётя Таня, та была красавица, войдёт в комнату и всё осветит, как солнышко ясное. А ты другая. Ты, конечно, красивая, но не такая как тётя Таня, к тебе присмотреться надо.

– Наш приятель, художник, ты его видела, помнишь, Виталик Гилянов, называл это – «аромат желания». Мужчины этот аромат чувствуют и слетаются, как пчёлы на розовый куст. Всё это, конечно, неосознанно, на уровне подкорки...

– Ну, извини, теперь это научный факт – феромоны. Вокруг тебя феромоновое облако. Счастливая ты!

– Это я—то счастливая? Сорок два года, без мужа, без ребёнка, карьера сломана... Если бы я была гейшей или светской львицей... А я выросла в хорошей интеллигентной семье и это моё свойство скорее обуза, чем преимущество.

– Не грехи, Норка! Сколько баб мается в одиночестве, а тебе это не грозит.

Неожиданно дверь в спальню открылась и вошла тётя Лёля.

– Какое элегантное платье! Это ты привезла, Нора? Тебе Оля надо под это платье похудеть килограмма на три.

– Мам, есть такая штука, называется «корректирующее бельё». Надеваешь и как будто на три кило похудела.

– Ну-ну. А что с чаем, девочки? Давайте чайку попьём.

– Давайте. Я почти всю селёдку съела, теперь так пить хочу.

После долгого чаепития Нора с трудом продержалась до девяти вечера, но потом начала зевать так, что казалось сейчас вывернуться челюсти. Она извинилась перед тётей Лёлей и Ольгой и ушла спать, не дождавшись прихода Олиного мужа Димы. По опыту перелётов Нора знала: разница во времени перестанет её мучить не раньше конца первой недели, и то для этого нужно выдерживать режим, постараться не спать днём и не есть ночью.

Nov. 28. Day two

Нориному папе, Михаилу Борисовичу, хирургу-ортопеду с европейским именем, дилемму «ехать или не ехать» решать не пришлось. У Нориной мамы, Татьяны Дмитриевны, обнаружили меланому и её прооперировали на Каширке. Михаил Борисович слишком хорошо знал эту болезнь и возможности советской медицины, чтобы остаться с больной женой в разваливающейся стране. Ему предложили работу в Израиле, и они уехали, оставив дочь на попечении тётки.

Мама прожила ещё восемнадцать лет. Отец сделал всё, что мог. Маму наблюдали лучшие врачи. Папина страховка оплачивала любые процедуры и любые лекарства. Мама проходила курс лёгкой химии сначала каждые полгода, потом раз в год. Её оперировали при малейшей угрозе.

Всё это было утомительно, но она жила и не просто жила, она давала благотворительные концерты для стариков в субсидированных домах, в церквях и синагогах, она писала статьи для НЛЮ, преподавала английский на курсах для эмигрантов, бегала по выставкам и концертам, жила полной жизнью, ни на минуту не поддаваясь унынию.

Неожиданно болезнь обострилась. Маме выписали экспериментальное лекарство, курс которого их страховке обошёлся в несколько сотен тысяч долларов, а им, естественно, – ни копейки. Когда стало ясно, что даже это лекарство не может затормозить болезнь и счёт маминной жизни пошёл на недели, мама позвала Нору и они долго, больше часа разговаривали. Нора вышла зарёванная, отец посмотрел на неё испуганно, догадываясь, о чём шла речь. Нора подошла к отцу, обняла его: «Мама мне всё рассказала». Отец нахмурился: «Не понимаю, зачем она это сделала». «Мама чувствует себя виноватой. Хочет, чтобы я позаботилась о тёте Лёле. Я бы и так позаботилась». Отец мягко отстранил Нору и ушёл к маме в комнату. Больше они об этом не говорили и Норины отношения с отцом никак не изменились.

Папа был с мамой до конца, делал всё сам, не доверял никому. Он был её врачом, её медсестрой, её сиделкой и выходил погулять, только когда мама спала. Нору пускал к матери ненадолго, только развлечь её, поболтать, пока это было возможно, посидеть рядом и подержать за руку, когда мама впала в забытье. Мама завещала себя кремировать, а пепел высыпать в речку, которая протекала позади их дома. Она просила мужа и дочь не собираться в день её смерти, а по-прежнему праздновать её день рождения. Так они и делали.

Завтра Нору, а потом и тётю Лёлю Дима отвезёт в Гончарный. Там всё близко и магазины и метро. Тётя Лёля так приободрилась с приездом Норы. Они будут вместе ходить по магазинам, гулять. Обязательно сходят в Андроников монастырь. Может быть, съездят куда-нибудь, в Кусково, например.

Водить машину в Москве Нора не решалась. Она не знала автозаправок, от поведения водителей на дорогах приходила в ужас, парковка по принципу «наглость – второе счастье» или «кто смел, тот и съел» и перспектива время от времени «общаться» с ребятами из ГИБДД вызывали стойкое нежелание с этим сталкиваться. Дима предлагал оставить ей свою машину, но Нора отказалась наотрез и теперь могла рассчитывать только на общественный транспорт.

Нора проспала до шести утра. Потихоньку взяла роман «Clouds», который начала в самолёте, около восьми опять захотела спать и проспала ещё час. В доме стали слышны шаги и приглушённые голоса. Нора прислушалась и решила, что, если встанет, то никого не потревожит. В коридоре она тут же столкнулась с Димой: «Привет, Норик!». Они дважды поцеловались, «Что-то ты опухшая с утра, Ольга тоже, вы, что, вчера надрались на радостях?»

– Дима, мы селедки объелись. Разве тётя Лёля дала бы нам надраться?

– Да, Норик. Тёща сегодня просто другой человек. Твой приезд подействовал лучше всех лекарств. Она Ольгу уже с утра загоняла. То не так, это не этак. Как спалось?

– Нормально. Прospала до шести.

– Мне Оля сказала насчёт твоих планов. Давай, завтракай, и я тебя отвезу.

– Твои планы я не нарушаю?

– Нет, не нарушаешь. Мне сегодня всё равно к одной певичке ехать, есть заказ от нашего «Метрополитен». Тебя отвезу и поеду.

В одиннадцать часов Дима уже ташил Норин чемодан на третий этаж старого дома в Гончарном переулке. После Диминого ухода Нора огляделась вокруг. Когда-то Нора выделила из денег, полученных за квартиру в Староконюшенном, сумму на ремонт этой квартиры. Норе хотелось смягчить тётин переезд из её дома на новое место, чтобы тётя Лёля не чувствовала себя брошенной «на выселках». Оля с Димой тогда наняли бригаду ребят из Луганска, и они очень хорошо всё отделали, и кухню, и ванную. Они поменяли паркет, поставили дополнительную дверь и сделали обе комнаты раздельными, каждую – со своим шкафом-купе. Ничего с тех пор не поменялось, но выглядело всё чистенько. Полы блестели, пыли на полках не было. Видимо, Ольга перед её прилётом наведася сюда и убралася. Самое главное: в ванной всё было чисто, исправно и удобно. Под широкой раковиной стояла стиральная машина. Нора обычно брала столько вещей, чтобы можно было не стирать, но бельё-то стирать придётся. Сушилки нет, можно повесить лифчики и трусики на верёвках над ванной. Сейчас Нора примет душ, вымоет голову и выпьет кофе перед телевизором, но сначала она позвонит. Нора достала из кармана куртки визитную карточку, а из сумки телефон и набрала номер.

– Алло!

Это был его голос, приятный баритон.

– Здравствуйте, Олег! Надеюсь, вы не забыли своё обещание сводить меня в театр?

– Конечно, не забыл, прекрасная незнакомка! Простите, но я не знаю вашего имени.

– Элеонора. Можно просто Нора.

– Очень приятно, Нора. Дайте мне минут двадцать, и я скажу, какой спектакль я могу вам предложить.

– Позвоните мне через полчаса.

– Договорились.

Теперь можно было идти в душ. Нора всё возила с собой: мыло Irish Spring, к которому привыкла, шампунь и бальзам для волос с увеличением объёма, зубную пасту Аквафреш. Наверное, всё это можно было бы купить в Москве, но продавались эти вещи не на каждом углу, а суетиться и искать, не было ни времени, ни желания. Из душа Нора вышла расслабленная, довольная и сразу направилася на кухню. Кофемолка на месте. Пачку колумбийского кофе в зёрнах Нора тоже привезла с собой. Нужно заварить покрепче. В её Мак Лине сейчас четыре утра и Нору клонит в сон. Зазвонил телефон.

– Нора! Нам с вами повезло. Сегодня в Гоголь-центр «Обыкновенная история». Где вы живёте и когда я могу за вами заехать?

– А что такое «Гоголь-центр»?

– Это бывший театр Гоголя. Теперь там Кирилл Серебряников со своей труппой.

– А кто такой Кирилл Серебряников?

– Трудно с вами, с приезжими. Кирилл Серебряников – это известный театральный и кинорежиссёр. Фильм «Юрьев день» видели? Понятно. Доверьтесь мне. Этот спектакль стоит посмотреть. Давайте, я заеду за вами пораньше. Погуляем, поболтаем.

– Хорошо. Во сколько спектакль начинается? В семь тридцать? Приезжайте ко мне в пять.

Нора продиктовала адрес. У неё остаётся не так уж много времени. Нора заглянула в холодильник. «Так. Йогурты Danpon только сладкие, хлеб только белый. Сыр „Российский“. Ничего мясного. Овощей мало. Картошка, лук есть. Из фруктов – яблоки и виноград. Две пачки яиц. На первое время сойдёт. Завтра докуплю остальное».

Нора не соблюдала никакой определённой диеты, но она не любила сладкие йогурты и хлеб предпочитала ржаной. В России она всегда пыталась отыскать продукты, вкус которых она помнила с детства. Нашла вкусную сырокопчёную колбасу, буженину. К её сожалению у многих продуктов, с виду похожих на прежние, вкус стал другим. Её любимая в детстве выпечка: языки, рожки с повидлом, калорийные булочки, песочные кольца – всё это исчезло совсем. Мороженое тоже стало другим, невкусным. Может быть, она просто разлюбила мороженое. Бывший муж, Серёжа, тоже испытывающий вкусовую ностальгию, просил привезти косхалву. В прошлый раз Норе не удалось её найти.

Нора смолочила и сварила кофе. Немного сахара добавила прямо в джезvu, только чтобы не было горько. С чашкой кофе села перед телевизором, побегала по каналам, не нашла ничего интересного для себя и не заметила, как задремала. Проснувшись, сразу вспомнила о встрече и посмотрела на часы. Четыре. У неё час, чтобы привести себя в порядок. Волосы ещё влажные, можно будет уложить, нужно снять крем с лица, одеться и слегка накраситься. Через сорок минут она была готова. Вымыла кофейную чашку и опять включила телевизор. С экрана на неё смотрело красивое строгое женское лицо диктора новостей, Нора не вслушивалась, но интонации были такими, как будто эта дама зачитывала приговор. «Спуститься к нему или пригласить его сюда?», – думала Нора, – «Пусть приходит. Надо сразу установить отношения накоротке, у меня нет времени на ухаживания». Зазвонил телефон: «Нора? Я могу подняться к вам?»

– Да, конечно. Заходите.

Он позвонил в дверь и Нора сразу открыла. Олег стоял с букетом белых хризантем. Они улыбнулись друг другу очень откровенными улыбками. Нора подумала, что она не ошиблась в выборе, а улыбка Олега, скорее всего, говорила о том, что он тоже не хочет тратить время на долгие ухаживания. Олег обвёл её глазами. Нора сменила лиловый свитер на чёрный, вместо джинсов надела чёрные брюки, на шею поверх свитера завязала яркий шёлковый платок. Она подрезала стебли хризантем на разделочной доске и поставила их в высокий хрустальный кувшин. Пока она ходила по кухне, наливая воду, она чувствовала его присутствие всем телом, от него шла тёплая волна. «Кажется, он обладает тем же свойством, что и я. Да, подобралась парочка!» Нора поставила кувшин с хризантемами на стол и немного помедлила. Олег подошёл к ней сзади, наклонившись к её уху негромко произнёс: «Может, ну его, этот театр? Может, пойдём в кино и возьмём билеты на последний ряд?»

– Зачем на последний ряд?

– Чтобы целоваться в темноте.

Олег говорил это шёпотом близко к её уху, и она чувствовала на шее его тёплое дыхание. Нора повернулась к нему лицом, и они оказались очень близко друг к другу. «У меня есть идея получше», – сказала Нора охрипшим голосом, поднялась на цыпочки и поцеловала его в губы. Он обнял её, прижал к себе, но не набросился на неё, как она ожидала, а продолжал целовать не торопясь, пока Нора не попросила: «Пойдём в спальню». Олег отпустил её и пошёл за ней, придерживая её за плечи. У постели он повернул её к себе, развязал платок и стащил с неё свитер. Он спустил с плеч бретельки от лифчика, поцеловал её в плечи, потом взялся за застёжку. Нора шевельнула плечами, отступила от него на шаг и начала раздеваться сама. Олег тоже стал не спеша раздеваться, глядя на Нору. Вольтова дуга взаимного желания не слабела, и было даже приятно немного затянуть это состояние, прежде чем соприкоснуться телами. Нора разделась догола, дала ему посмотреть на себя и легла в постель, откинув одеяло. Он лёг к ней, оставив на себе трусы. Норина рука быстро нырнула к нему в трусы, сделала несколько лёгких движений и стала стаскивать трусы вниз. Он помог ей освободить себя от этого совершенно лишнего предмета, приостановился и спросил: «Тебе сегодня можно?» «Ты можешь ни о чём не беспокоиться», – ответила Нора. Она собиралась занять позицию сверху, но он опрокинул её на постель, и начал в привычной позе, не торопясь и внимательно глядя на неё. Нора застонала и прикусила губу. Он поднялся на колени и подтянул её к себе. Обеими руками он держал

её чуть ниже пояса и управлял её телом. Норе оставалось только не мешать ему. Она упёрлась в постель ногами позади него и выгнулась в спине. То, что должно было прийти, пришло неожиданно. Нора вцепилась в простыню и вскрикнула. Через несколько секунд он отпустил её и лёг рядом, потом посмотрел на часы: «Пять минут седьмого. Ты действительно хочешь в театр?»

– А ты?

– Я бы остался в постели.

– Нет. Мы пойдём в театр, а потом вернёмся в постель.

Олег сморщился и недовольно застонал.

– Вставай, вставай. Я сварю кофе.

– Не надо кофе. Я не пью кофе на ночь. Раз уж ты непременно хочешь в театр, давай пораньше выйдем, успеем что-нибудь перекусить у них в буфете.

– Ерунда. Я сейчас сделаю яичницу.

Олег встал, натянул трусы и джинсы, накинул рубашку.

– Давай так. Я сделаю яичницу, а ты собирайся.

Олег решительно пошёл на кухню, Нора гольшом юркнула в ванную. Когда она, уже одетая для выхода, пришла на кухню, Олег сидел за маленьким столом, перед ним стояли нарезанный белый хлеб, блюдо с несколькими ломтиками сыра, масло и большая сковорода с яичницей. Нора включила электрический чайник и села к столу. Олег разделил яичницу пополам, положил в тарелки. Нора намазала белый хлеб вологодским маслом и принялась за яичницу. «Надо же, как вкусно», – удивилась Нора. Здесь, она имела в виду, в России, в Москве, всё было удивительно вкусно. В Америке приходилось готовые продукты выбирать с осторожностью: можно было нарваться на что-нибудь совершенно несъедобное. Нора вспомнила, сколько ею было выброшено колбасы, печенья, консервов, вылиты напитков, вроде Root beer или ягодного пунша. Она приехала из Европы и думала, что в Америке, как и там, можно брать наугад любую упаковку, любую яркую коробочку и всё будет хорошо. Щёлкнул чайник. «Тебе налить?», – спросила Нора. Олег кивнул. Нора бросила в чашки по пакетик Lipton и налила кипятка. Олег сделал себе бутерброд с сыром и откусил кусок, запивая чаем. «Я так понимаю, мы оба не курим?», – спросила Нора.

– Я курил, бросил. Тяжело в полётах, особенно в дальних. Легче было бросить совсем.

– Я тоже курила. Но у меня не было настоящей привычки. Я бросила легко.

– Чем ты вообще занимаешься?

– Я играю на скрипке.

Олег поднял голову и вопросительно посмотрел на неё.

– Ты это серьёзно?

– Абсолютно. Я играла в оркестре, потом вынуждена была уйти, теперь преподаю.

– Что преподаёшь?

– То же самое. Скрипку. Ты что-нибудь знаешь о классической музыке?

– Представь себе, знаю. Мои родители очень любили оперу. Они в Москве всё пересмотрели, и пластинки часто ставили. Очень многие оперы могу узнать по любому отрывку.

– А ты сам?

– Что?

– Ты сам любишь музыку?

– Я люблю рок. Джаз тоже.

– Ясно. А в оперу можешь достать билеты?

– Ты имеешь в виду в Большой?

– Большой тоже хорошо.

– Я попробую. Пошли. Посуду вымою после. Машину я здесь у вас оставлю. Там не парковаться. Проедем остановку до Курского на метро, дальше пешком. Я знаю короткий путь.

Нора давно не была в метро и оглядывалась как туристка. Они вышли в длинный переход под путями Курского вокзала, прошли его до самого конца и поднялись наверх. Дорожка, выложенная плиткой, дома из красного кирпича – всё было новым, чистеньким и ухоженным. Нора совершенно не помнила, что тут стояло раньше. Может быть, она и не ходила здесь никогда.

Какое-то время они шли молча. Потом Олег задал ей вопрос, который, видимо, давно хотел задать.

– Ты замужем?

– Разведена. А ты?

– Я тоже.

– Дети есть?

– Дочка. Восемнадцать лет. Завтра мы с ней встречаемся. Сходим вместе куда-нибудь.

Они опять помолчали.

– Почему ты меня не спрашиваешь о детях?

– Боюсь задать неловкий вопрос. У тебя такое тело... Грудь совершенно девичья. Ты ведь не рожала?

– Нет.

– Не хотела или не могла?

– Не могла. Да и не хотела, пожалуй. Муж очень хотел детей. Ради него я четыре года лечилась, ушла из оркестра. А потом оказалось, что его молоденькая любовница забеременела, и он ушёл к ней.

– Ты его не простила?

– Это не мешает нам быть в приятельских отношениях.

– И моя меня не простила.

– У тебя что, ребёнок на стороне?

– Да нет, бог миловал. Просто я два раза влип в одинаковые истории. Ты понимаешь, вокруг молоденькие девочки, с виду такие лапочки, такие зайчики, так с ними легко, а потом вцепляются в тебя мёртвой хваткой, и начинается: слёзы, истерики, анонимные письма, звонки жене... Первый раз Юлия меня простила, на второй – подала на развод. Живёт одна с дочкой. Может кто-то у неё и есть, но я не видел, не знаю...

– Мужиков у вас мало. На всех не хватает. Вот они и кидаются на каждого.

– Спасибо. Утетила.

– Не обижайся. В Америке ситуация в точности наоборот. Мужчин много, женщин мало. Поэтому у нас эмансипация, феминизм за гранью здравого смысла, избалованные жёны, покорные мужья и так далее...

– Почему же ты не вышла замуж?

– Можно, я не буду отвечать на этот вопрос?

– Можно. Мы пришли.

Они поднялись по небольшой лестнице к дверям, за дверью – ещё по одной лестнице. «Подожди меня здесь», – попросил Олег и подошёл к боковому столу с брошюрками и буклетами. Он переговорил с юношей, стоявшим за столом, тот достал из-под буклетов два билета. Олег вернулся к Норе: «Пойдём. Гардероб там».

Нора отметила для себя, что он очень спокойно и уверенно держится, она ожидала большей скованности. «Этих самых „историй“ было, конечно, значительно больше. С такой располагающей внешностью и таким полем.... Не удивительно. Возможно, он этих бедных „зайчиков“ предупреждал, что не женится. Считал, видимо, честного предупреждения достаточно, чтобы избежать недоразумений. Если бы всё было так просто. Как-то он очень легко рассказал об этом. Маскируется? Разрыв – всегда серьёзная травма. И ребёнок. Он любит дочь, это видно. Что это? Я пытаюсь его оправдать?»

Олег помог Норе снять дублёнку, сдал её вместе со своей курткой. Они вышли в фойе, и сразу раздался первый звонок. Нора огляделась. Старую штукатурку частично сняли со стен, обнажили кирпичную кладку. Практически ничего не переделали, но придали обстановке нарочитую небрежность, «антибуржуазность». Нора очень давно не бывала в театре. Во времена консерватории она пересмотрела всё мало-мальски интересное. То, что она видела в Вашингтоне и в Нью-Йорке её неизменно разочаровывало. Она решила, что либо она разлюбила театр, либо театр изжил самоё себя, и ей это перестало быть интересно. Нора была вполне готова к очередному разочарованию.

Они сидели в шестом ряду близко к середине. «Обыкновенную историю» Гончарова Нора читала в школьные годы, помнила сюжет: племянник из провинции приезжает к дяде. Дядя помогает племяннику устроиться и преподаёт ему уроки жизни в большом городе, развенчивая его юношеские иллюзии. Погас свет в зале и зажётся на сцене. Декорации были очень условными и, по мнению Нору, неоправданно вычурными. В первой сцене племянник, его мама и его подруга прощались перед отъездом. Нарочитая восторженность племянника показалась Норе неестественной. «Мама» и «подруга» играли хорошо. Современные костюмы и неоновая подсветка декораций контрастировали с особенностями языка старого романа. Всё встало на своё место с появлением «Дяди». Пафос племянника снизился, декорации заиграли положенную им роль, язык перестал казаться архаичным. «Дядя» был чудо как хорош, и Нора отметила, что с интересом следит за происходящим на сцене. Через несколько минут она перестала отмечать свои впечатления и полностью отдалась действию. Только один раз, в сцене, где племянник ходил голым, старательно прикрывая гениталии, она поморщилась и подумала: лишнее. Наготой сейчас никого не шокируешь. Но и это не разрушило впечатления. Спектакль шёл с одним антрактом. В антракте Олег, не спрашивая Нору, взял два бокала шампанского. Они встали у колонны.

– Ну, как?

– Отлично! Молодец этот ваш Кирилл...

– Серебряников. Он в школе-студии МХАТ вёл класс, потом создал из него театр-студию и ему дали это помещение. Кажется, сейчас у них какие-то неприятности. Их пытаются отсюда выжить.

– У них, по-моему, аншлаги?

– Да. Билеты так просто не достанешь. У меня есть друг. Его сын работает у Серебряникова. В этом спектакле он не занят, играет в «Мёртвых душах». Он нам и устроил контрамарки.

– Почему же их пытаются выжить?

– Помещение удобное, в хорошем месте, а поддержки от чиновников у Серебряникова больше нет. Чем-то он там провинился. «Пусси-райот» у него выступали, кажется. Я точно не знаю.

– В Америке успех определяет всё. Ну и прибыль, конечно.

– У нас ещё не всё меряется деньгами.

– Это хорошо или плохо?

– Это и хорошо и плохо. Пойдём, уже второй звонок.

Окончание этой «обыкновенной истории» расходилось с романом. Оказалось, что старому цинику дядюшке, не чужды человеческие чувства. Нора испытывала давно забытое возбуждение и аплодировала не жалея ладоней. Актёры выходили кланяться трижды, потом на сцене погасили свет и все потянулись из зала. Олег принёс пальто, помог Норе одеться. Они медленно пошли к метро той же дорогой.

– Я вижу, тебе понравилось.

– Не то слово. Я думала или театр умер, или – я. Ан, нет. И театр жив и я – жива.

Олег засмеялся и обнял её за плечи.

– Ты определённо жива. Живее всех живых.

– Я вижу, тебе понравилось.

Он помолчал. Потом ответил вполне серьёзным тоном.

– Ты же про себя всё знаешь. Зачем спрашиваешь?

– Что я знаю?

– Что ты особенная женщина, редкая.

Сказал опять вроде бы серьёзно, но Нора слышала по голосу, что Олег улыбается.

– Да? Ты так считаешь?

– Я так считал вчера, а теперь я знаю.

Олег коротко взглянул на неё и сжал рукой её плечо. Было непонятно шутит он или говорит серьёзно.

– А ты? Ты тоже особенный?

Олег засмеялся.

– Я не особенный. Я – обыкновенный и очень плохой.

– Плохой?

– Плохой. И не говори потом, что я тебя не предупреждал.

– Можешь не беспокоиться. Я не лучше.

Олег опять засмеялся.

– Вот собралась парочка, баран да ярочка.

– Моя бабушка так говорила.

– Давай заглянем на вокзал, там круглосуточный магазин, я куплю вина.

– Купи шампанского.

Они прошли через какие-то узкие коридорчики и попали на вокзал. Вокзал тоже был новый, и Нора не помнила, видела она его или нет. Просторный, высокий зал. Машина ездит для чистки полов. Вполне современно. «Всё как у взрослых», – насмешливо подумала Нора. Олег взял её за руку и быстро повёл к магазину. У дверей он её отпустил и через несколько минут вышел с бутылкой Моёт Шандон в руках.

– Пакетов у них нет.

Нора знала об этой особенности некоторых московских магазинов и достала из сумочки пакет с надписью «Перекрёсток». Ольга приучила её на всякий случай всегда носить пакет в сумке.

Они вошли в метро. Олег приложил к кружочку свой проездной, сначала пропустил через турникеты Нору, потом прошёл сам. От метро до дома они шли быстрым шагом. Норе хотелось скорее оказаться дома, в постели. Она с порога прошла в спальню, быстро разделась и с удовольствием вытянулась под тёплым одеялом. Из кухни доносилось звяканье тарелок. «Он моет посуду!», – восхитилась Нора. «Русский мачо-мен моет посуду! Интересно он действительно такой или рисуется перед американкой?» Немного полежав, она поняла, что напрасно не сходила в уборную, вылезла из-под одеяла, достала из шкафа короткий хлопковый халатик, оделась и вышла. Вернувшись, она залезла под одеяло, не снимая халата. Олег вошёл в спальню с открытой бутылкой шампанского и двумя бокалами в руках. Он подал Норе бокал, и ей пришлось подвинуться и немного свеситься с кровати, чтобы Олег наливал шампанское над полом, а не над одеялом. Налить шампанское, не пролив, – довольно сложная задача, но Олег делал это спокойно и медленно, подождал, пока осядет пена, и долил бокалы почти до верха. Они чокнулись, и Нора выпила свой бокал быстро, почти залпом. Олег так же размеренно налил ей второй бокал.

– Почему ты не пьёшь?

– Я не очень люблю шампанское.

– А что ты любишь?

– Я же русский мужик. Водка и пиво – любимые напитки.

– Жаль, что мы не купили водки. И пива.

– Выпьем водки в следующий раз. Сколько тебе было лет, когда ты уехала?
– Двадцать два.
– Взрослая уже была, не ребёнок. С родителями?
– Родители уехали раньше. Я как раз поступила в консерваторию и с ними ехать отказалась. Закончила здесь консерваторию, участвовала в двух конкурсах, второе и третье место. Отец настоял, чтобы я сначала приехала к ним и получила грин-карту. Так я и сделала.
– Ты так легко об этом рассказываешь, как будто речь идёт о переезде в другой город.
– Когда есть возможность вернуться, ситуация не выглядит так уж трагично. Что тебя удивляет?

– Родину нельзя унести на подошвах своих сапог.
– Это кто так сказал?
– Это сказал Дантон, когда ему предложили бежать из Франции. Он остался и был казнён.
– Мрачная история.
– История французской революции вообще мрачная история. Что ты делала потом?
– Потом уехала в Вену, закончила там аспирантуру. Участвовала в конкурсе на место концертмейстера в Барселоне, выиграла конкурс. Пять лет играла в Барселонском оркестре, объездила всю Испанию, а с камерным струнным оркестром – всю Европу. Там, в Барселоне первый раз вышла замуж.

– За кого?
– За гобоиста из нашего оркестра. Через год развелась.
– Что так быстро?
– Он оказался bisexual.
– Бисексуал? И что?
– Он искренне меня уверял, что любит меня и хочет жить со мной, что его встречи с приятелем нельзя рассматривать как измену. Видимо, я слишком консервативно воспитана. Я пыталась принять его точку зрения, я даже согласилась...

Нора запнулась и замолчала.

– Ну, уж договаривай, договаривай!
– Я согласилась, чтобы мы все втроём...
– И как?
– Сначала – шок. Они оба очень старались, чтобы мне было хорошо. Мы встречались несколько раз.

– А потом?

– А потом я сбежала к родителям в Америку. Устроилась второй скрипкой в оркестр в Филадельфии. Познакомилась с папиным приятелем, хирургом из России. Вышла за него замуж. Дальше ты уже знаешь.

Нора в несколько глотков выпила шампанское и подставила бокал, чтобы Олег его наполнил.

– «Я скажу тебе с последней прямоотой всё лишь бредни, шерри-бренди, ангел мой! Там, где эллину сияла красота, мне из чёрных дыр зияла срамота». Вот так!

– Ты – пьяная. Чьи это стихи?

– Мандельштам. Ты читал Мандельштама?

– Мы об этом утром поговорим.

Нора выпила свой бокал и стала искать, куда бы его поставить. Олег забрал бокал из её рук и вышел с пустой бутылкой и двумя бокалами. Нора поджала к груди коленки и закрыла глаза. Она задремала и проснулась, когда Олег лёг позади неё и прижал её к себе. Между ними путался халатик. Олег вынул из халата её руку и сдвинул халат вниз. Он целовал её шею и покручивал между пальцами её соски. Норе было немного больно, и она повизгивала как обиженный щенок. Наконец он взял её ногу под коленкой, приподнял её и прижался к Норе.

«Помоги мне», – попросил Олег. Нора немного изменила позу и направила его рукой. Первое же движение заставило её вскрикнуть – так остро она его чувствовала. Она вскрикивала при каждом толчке, быстро кончила в первый раз и поспешила сказать: «Ещё, ещё. Не останавливайся, продолжай». Он продолжал двигаться в одном и том же не быстром ритме, и она кончила второй раз и третий. После третьего раза она стала немного вялой, он почувствовал это, сжал её крепче и быстро пошёл к финишу – для себя. Нору захватило его возрастающее возбуждение, и она кончила одновременно с ним, опять громко вскрикнув. Олег откинулся на спину, а Нора так и осталась лежать на боку. «Я никуда не пойду», – сонно пробормотала Нора. Она нашарила полу халата у себя за спиной и протянула её между ног.

«Не ходи», – согласился с ней Олег, и они уснули.

Nov. 29. Day three

Утром Нора проснулась и увидела Олега, сидящего на кровати. Олег был уже одет, умыт, но, по вполне понятным причинам – небрит.

– Я уже попил чаю. Хотел уйти тихо, но засмотрелся на тебя. Я договорился с дочерью. Мы встречаемся в двенадцать на Новослободской и идём на какую-то выставку. Потом мы с ней пообедаем где-нибудь в городе, и я свободен. Мы увидимся?

– Сегодня к вечеру привезут мою тётю. Она перенесла инсульт. Самый тяжёлый период уже позади, но она ещё нуждается в присмотре. Я останусь с ней, пока её дочь, моя сестра, будет с мужем в Таиланде.

– Так ты приехала из Америки, чтобы посидеть с тётей?

– Я давно у них не была. Они – мои самые близкие люди после отца. Если я буду гостить у тёти, сестра может поехать отдохнуть. Не вижу ничего странного. Ты машину оставляешь здесь?

– Да.

– Заходи к нам на чай, я тебя познакомлю с тётей Лёлей. Извини, я не уверена, что смогу тебя оставить на ночь. Тётя Лёля вроде вполне адекватна, но... Давай посмотрим по обстоятельствам.

– Что вам принести к чаю?

– Что я могу посоветовать? Я здесь не была два года. Тётя Лёля очень любит сладкое. Принеси какой-нибудь тортик, и ты завоюешь её расположение.

– Понял. Я позвоню.

Олег нагнулся её поцеловать. Они коснулись друг друга щеками.

– Как жаль. Нет времени. До вечера.

Нора встала, за ней потащился халат. Она вдела руку в рукав и вышла в прихожую. Олега уже не было. Нора закрыла дверь на щеколду, набросила цепочку и вернулась в постель. Нужно было бы встать и сходить в магазин. Нора дала себе ещё полчаса понежиться под одеялом и закрыла глаза.

У её приезда была ещё одна тайная цель, но пока она сама не знала, возможно ли это осуществить. В Нью-Йоркском оркестре открылась вакансия. Два места вторых скрипок. Нора хотела попробовать, но боялась, что стала за годы преподавания играть хуже, чем раньше. Она не давала себе расслабляться, упражнялась каждый день, продолжала ездить с благотворительными концертами, но Нью-Йоркский симфонический едва ли не первый оркестр в стране, требования там высокие. Нора хотела, чтобы её послушала Елена Львовна, преподаватель консерватории по классу скрипки. Нора у неё отучилась последние два года.

Несколько первых лет после Нориного отъезда они поддерживали отношения. Нора знала, что Елена Львовна была вынуждена бросить преподавание из-за плохого зрения и не потому, что она не могла учить, а потому, что умер её муж, и некому было её возить в консерваторию. Она давала частные уроки на дому. Это единственное, что Нора о ней знала. Они не переписывались и не перезванивались уже семь лет.

В первые годы Нора несколько раз передавала Елене Львовне небольшие посылки с оказиями, если не брали посылки – посылала сто долларов одной купюрой в конверте. Но семь лет назад Норе позвонила женщина и передала просьбу: Елена Львовна просила купить ей струны для скрипки. Нора осторожно уточнила, насколько хорошие струны нужны. Женщина ответила ей: «Елена Львовна просила хорошие, как вы себе покупаете. Только я уже скоро улетаю. Мы можем встретиться сегодня в четыре в аэропорту». Уже был час дня, магазин находился в центре города, где трудно запарковаться, до аэропорта было не меньше часа на машине, если нигде не застрять.

Только чувство благодарности к старой учительнице и то, что эта её просьба была первой, не дали Норе просто проигнорировать этот звонок. Нора успела купить хорошие струны за две-сти пятьдесят долларов. Хотя, наверняка, если бы было время поискать, можно было бы купить дешевле, потеряла на паркинге в гараже ещё двадцать четыре доллара, заплатила пятёрку за паркинг в аэропорту, полчаса ждала эту женщину, наконец, передала ей струны, на обратном пути попала в трафик и домой добиралась почти два часа. Ни благодарного звонка, ни письма, ни строчки по мейлу. Следующую просьбу, купить Елене Львовне два комплекта Herbalife, Нора оставила без ответа, но не могла избавиться от сомнения, справедливо ли она поступила.

Нора позвонила другой бывшей ученице Елены Львовны в Канаду. Та посмеялась над Нориным недоумением: «Не ты первая. Нас она попросила прислать ей шубу, или, на худой конец, дублёнку. Пришлось послать письмо с подробным объяснением, что сами мы шуб не носим, слишком дорого, дублёнку я себе купила на распродаже и ношу её уже шесть лет. Мы можем прислать ей тёплую куртку или „дутое“ тёплое пальто, но на большее у нас денег нет. Она не ответила. По-моему, у неё крыша поехала». Больше Нора сама не звонила и никаких известий от Елены Львовны не получала. И вот теперь она хотела встретиться с Еленой Львовной, потому что никто кроме неё не мог бы сказать, стоит Норе принять участие в конкурсе за место в оркестре или нет смысла и пытаться. Здесь было много всяких «но». Елена Львовна могла действительно выжить из ума. Она могла утратить не только зрение, но и другие способности. Она могла не принять Нору после стольких лет молчания. И всё-таки попытаться Нора должна.

Нора вылезла из постели, взяла из кухни табуретку и встала на неё в коридоре около антресолей. Она сразу увидела чёрный запылённый футляр, потащила за край и вынула его целиком. В кухне Нора протёрла футляр полотенцем. Зазвонил телефон. Нора взяла трубку. Звонила Оля: «Норик! Мы с Димой едем в супермаркет, покупать продукты на неделю, тебе купить что-нибудь?»

– Оль, купи колбаски какой-нибудь типа сервелата, курицу для бульона и куриные котлетки или биточки, йогурты несладкие, чёрный хлеб, молока или сливок для кофе и печенье. Это всё. Как хорошо, что ты позвонила. Когда вы приедете? К семи? Сразу уедете? А куда, если не секрет? Презентацию чего? В новом жакете? Ну, расскажешь потом. Пока-пока.

В магазин можно было не ходить. Нора вернулась к футляру и открыла его.

Олег не торопясь шёл к Таганской – кольцевой. Может быть, он напрасно сделал вид, что у него нет времени? Нет. Имело смысл проявить сдержанность, уж слишком независимо она себя ведёт. «Да уж, не заглядывает тебе в глазки, не пытается взять твою руку в свою, не спрашивает: „Мы ещё увидимся?“, – усмехнулся Олег, „Не то, что твой обычный контингент“. А разве она не его контингент? У него были всякие и певички, и журналистки, и модели. Была редакторша из глянцевого журнала, врач-косметолог. Кого только не было. Художница по костюмам, театральная декоратор. Правда, у Норы – консерватория, симфонический оркестр, лауреатка конкурсов, жила в Испании и в США. Пожалуй, она классом повыше, но держится просто, без понтов. Подъебнуть, правда пытается. „Ты что-нибудь знаешь о классической музыке?“, „Ты читал Мандельштама?“, – с улыбочкой. Ну, конечно, он же русский медведь. Он должен смутиться и закрыться лапой. Ну нет, шалишь, так просто его не заденешь». Олег вошёл в метро и встал на длинный эскалатор самой глубокой станции Москвы. В этот момент в кармане зазвонил телефон. Звонила дочь: «Пап, ты где?»

– В метро. На Таганке.

– Ты понимаешь, я всё перепутала, в Еврейском музее, на Новослободской, выставка откроется на следующей неделе. Давай, встретимся на Октябрьской – кольцевой, в центре зала. Пойдём на Крымский, там выставка Серова.

– Серова, так Серова. Ты во сколько там будешь?

– Минут через пятнадцать – двадцать.

– И я, примерно, также. Пока.

«Оказывается, в Москве есть Еврейский музей! Кто бы мог подумать».

Через пятнадцать минут он вышел из вагона метро на белую с золотом Октябрьскую, осмотрелся не спеша, и увидел дочь. Она стояла напротив схемы Метрополитена, прислонившись спиной к колонне, читала книгу. Олег не торопился подойти, издали любясь дочерью. На ней была надета короткая обливная дублёнка-косуха, его подарок, тёмно-синяя юбка из какой-то легкой ткани, похожая на балетную, сапоги без каблука. «Юбка на ней не по сезону. И внизу, конечно, кроме трусов и колготок – ничего. Юлька совсем за ней не следит. Застудит себе всё на свете, потом будет лечиться годами». Он вспомнил о Норе и быстро прогнал её из памяти.

Дочка мастью была в него: светло-русые волосы с рыжиной, личико чистое, но на плечах и руках — веснушки, и ростом в него, а тонкой косточкой – в мать. Ресницы длинные, но белёсые, бровки едва видны. Краситься она не любит. Красится только на дискотеку или на вечеринку. Эффект потрясающий, даже пугающий. Он больше любит, когда без краски. И так хороша. Ты смотри, как мужики на неё поглядывают! А этот господин кавказской наружности, круги нарезает, уже три раза прошёл туда-сюда и зыркает на неё. Пора вмешаться. Он сделал несколько широких шагов.

– Привет, дочка!

– Привет, папка!

Дочка потянулась к нему, и они расцеловались в обе щеки.

– Фу, какой ты колючий! Тебе эта «аляска» зелёная очень идёт. Там купил?

Олег огляделся. «Кавказский господин» исчез.

– Там. Вчера первый раз надел. Ты что же в такой юбке ходишь? Надо себя побережь. Тебе ещё детей рожать. Моих внуков.

– Па-ап! Не занудничай! Ещё не мороз.

– Ладно. Что читаешь?

Дочь перевела глаза на раскрытую книгу.

«Я скажу тебе с последней прямоотой, всё лишь бредни, шерри – бренди, ангел мой!» Это Мандельштам. Знаешь такого?

«Да что они, сговорились, что ли?»

– Нечего хихикать. Твой папка знает, кто такой Мандельштам.

– Ну, извини, я думала тебя кроме самолётов и войны двенадцатого года ничего не интересует.

– И в кого же ты у нас такая умная?

– В тебя, папка, в тебя. Пойдём.

Они вышли из метро, и зашагали вниз по Крымскому валу мимо парка Горького.

– Ты в парке Горького после его перестройки был? Нет? Обязательно сходи. Лучше, конечно, весной или летом, но и сейчас можно. А в том доме, на той стороне, скоро откроется выставка камней и всякой ювелирки. Сходим?

– Сходим. Если хочешь, купим там тебе подарок на Новый год.

– Папа, я тебя как раз собиралась попросить...

Дочь приостановилась и заглянула Олегу в лицо.

– ... из наших трое едут на Новый год в Париж, меня зовут.

Она замолчала, ждала его реакции. Он быстро прикидывал, что он может сделать. У него была приличная сумма, которую он отложил на коттедж. Как раз сейчас ему предложили подходящий. Но и отказывать дочери не хотелось.

– Не получится? Нет, так нет...

– Билеты на самолёт я тебе сделаю, я в этом году свою квоту не выбрал. Но денег много дать не смогу.

- А сколько сможешь?
- Тысячу евро, не больше.
- Спасибо, папка! Больше и не надо. Ты у меня – золото! Может, я тебе тоже пригожусь?
- Я подумаю.

Они спустились в переход. Переход давно уже стал импровизированной картинной галереей. Всё здесь было рассчитано на вкус обывателя среднего достатка. Разнообразные букеты цветов, виды Москвы, большой набор церквей, собаки и кошки, для продвинутых клиентов – хорошо прописанные натюрморты в манере малых голландцев, портреты фантастических красавиц и красавцев в духе Волкова. Дочка Катя поначалу вертела головой, потом фыркнула: «Видано – перевидано, сплошной шаблон!» Олег поднял голову, и взгляд его выхватил художочную изогнутую фигуру девушки со скрипкой в простой чёрной рамке. Олег присмотрелся, девушка оказалась длинноволосым юношей. Продавец полотна даже привстал, заметив интерес, но Олег прошёл мимо.

В кассе была небольшая очередь, человек шесть. Олег отдал дочери билеты и забрал её дублёрку. Когда он сдал пальто и оглянулся, Катя уже медленно поднималась по широкой мраморной лестнице. Двое молодых людей, шедших навстречу, как по команде оглянулись ей вслед. Мужчина, о чём-то говоривший с билетёршей, увидев Катю замер, вытянулся и не сразу вернулся к разговору. «Может быть, у неё такое же свойство как у меня? Как Светка говорила, „животный магнетизм“? Ну, Катька и характером в меня, на поводу у чужих желаний идти не будет. Всё-таки надо бы её замуж пораньше за хорошего человека и сразу детей».

Они прошли в основной зал. Катя сначала держала отца под руку, потом достала записную книжку, что-то записывала в неё и фотографировала некоторые работы на мобильный. Дочка долго задерживалась перед каждой картиной, Олег гулял по выставке сам по себе. Он остановился перед портретом Александра Третьего и царь ему понравился. «Хороший мужик, крепкий, простой. Что его величество любит и что не любит – всё на роже, на царской, написано. Жестковато страну держал, но ведь неудивительно, после того, как взорвали его отца. Самого прогрессивного русского царя, Александра – Освободителя».

Олег бродил между стендов, останавливаясь там, где его глаза цеплялись за что-то ему интересное. Лица, лица, мужчины, женщины. Голицыны, Юсуповы, Сумароковы. Сейчас встретил бы на улице, не подумал бы, что это русское лицо. Куда они подевались? Известно куда. В топку революции, гражданской войны, лагерей... Рядом с портретами висели небольшие таблички с блёкло напечатанными текстами. Оказалось, это короткие биографические справки. Эта эмигрировала, и этот эмигрировал, а этот лощёный господин, коннозаводчик и охотник, остался в России и дожил до преклонных лет. Много было мужских портретов совсем Олегу неинтересных, а потом опять пошли женские и детские, на которых невольно останавливался взгляд. Всё чаще встречались надписи: после семнадцатого года осталась или остался в России, в таком-то году арестован или арестована, дальнейшая судьба неизвестна. «На самом деле – отлично известна. Либо сразу расстреляны, либо замучены на следствии, либо сгинули в лагерях. А лица такие хорошие, светлые. Повезло художнику: умер задолго до революции, ещё перед войной».

Олег отошёл от картин, сел на скамейку. Показалась дочь, она оглядывалась вокруг, искала его. Олег дождался, когда она его увидела, и жестом показал ей, что собирается пойти вниз. Катя кивнула и отвернулась. Олег спустился по лестнице. Внизу на небольшой, плохо освещённой площадке было продолжение экспозиции. Театральные эскизы, странные изломанные фигуры. Совсем другая живопись. Неожиданно мелькнуло что-то знакомое. Олег подошёл поближе. «Портрет балерины Иды Рубинштейн». Нет, лицо совсем не её. И волосы у неё другие, но эти ноги, колени, хрупкая фигурка. «Умеее вы напомнить о себе, Нора, не знаю, как вас по отчеству!» Подошла дочь.

- Ты что на неё уставился? Она уже сто лет в Третьяковке висит.

– Я в Третьяковке был последний раз в седьмом классе. Запомнил только «Трёх богатырей» и «Боярыню Морозову».

– Надо заняться твоим образованием. Куда пойдём? Можно здесь, в «Доме художника».

– Нет, не хочу. Здесь, наверняка, будет не слишком хорошо и дорого. Поехали на Маяковку, там есть один ресторанчик.

После обеда они, не торопясь, прошли от Маяковки до Пушкинской. Олег посадил дочь в сторону станции Таганская. Катя с матерью жили в начале Волгоградского проспекта. Сам сел в следующий поезд.

За тортом пришлось идти на другую сторону площади в круглосуточный гастроном. Позвонил дочери: «Какой торт лучше купить для пожилой женщины?» Дочь быстро ответила: «Что-нибудь мягкое, бисквитное, без ореховой крошки. Только смотри, чтобы был сегодняшней и лучше Мытищенской фабрики, у них всё вкусное. Ещё вопросы есть? Ваш звонок очень важен для нас, ждите, мы вам обязательно ответим. Целую. Пока, пока». Единственный торт ООО «Мытищи», который он нашёл, носил простое название «Малиновый». Олег по дороге к Норе взглянул на свою машину. Машина, его Рендж Ровер, стояла на месте. Никто не встал вплотную, проблем с выездом быть не должно. Как хорошо, что он успел купить машину четыре года назад. Сейчас бы уже не смог. Олег проверил адрес, забитый в телефон, отыскал дом и поднялся на третий этаж. Ему открыла роскошная блондинка в норковом пальто. Она сначала удивилась, но через секунду улыбнулась и сразу заиграла глазами и телом: «Вы к кому?»

– Я – к Норе.

– Нора! К тебе пришли!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.